Предисловие

Со времен А. Маршалла экономическую теорию принято — и не только в англоязычной литературе — именовать «экономикс». До этого в течение примерно трехсот лет она называлась политической экономией. Разработка Дж. М. Кейнсом основ макроэкономической теории привела к распадению экономической теории на две части — микро- и макроэкономику. С тех пор эти названия носит подавляющее большинство учебников, посвященных этой области знаний.

У такого развития событий была своя логика; о ней речь идет и в настоящей работе (см. в особенности первую и последние — начиная с гл. 25 — главы). Однако полагать, что мы стали свидетелями «конца истории» в развитии экономической теории было бы по меньшей мере преждевременно. Тем более что нынешнее ее состояние многими ведущими представителями профессии рассматривается как кризисное (соответствующая проблематика затрагивается в первой и заключительной главах).

Единства мнений в отношении природы этого кризиса нет. В одних случаях указывается на то, что на базе современной экономической теории невозможно адекватно прогнозировать развитие хозяйственных процессов, в том числе и на глобальном уровне, а следовательно, и формулировать меры, необходимые для предотвращения неблагоприятного развития событий. В связи с этим часто ссылаются на неспособность подавляющей части ученых-экономистов предсказать мировой финансово-экономический кризис 2007—2009 гг. В других случаях упор делается на потерю экономической наукой внутренней целостности, ее превращение в конгломерат разнородных в методологическом отношении дисциплин.

Здесь важно определиться в исходных понятиях. В моем представлении чистая (или общая) экономическая теория имеет специфическую миссию. Опираясь на собственную аксиоматику и дедуктивный метод исследования, она призвана построить своеобразный интеллектуальный макет экономической системы (в интересующем нас случае — рыночного хозяйства), позволяющий понять природу взаимосвязей, существующих между ее основными элементами. Более того, эту науку отличают от ее естественно-научных аналогов серьезные, я бы даже сказал субстанциальные особенности. Они заключаются в том, что между экономической теорией и практикой нет и не может быть непосредственной связи; между ними лежит то, что я называю зоной неопределенности (см. заключительный подраздел гл. 28). Такое положение в конечном счете связано с хорошо известным фактом — в экономике взаимодействуют люди, которые, в отличие от атомов и молекул, обладают сознанием, интересами и вытекающей из этого способностью не только адаптироваться к внешним условиям, но и целенаправленно изменять их. Поэтому, строго говоря, удивление должно вызывать не отсутствие мости-

ка, напрямую соединяющего теорию и практику, а способность теории, полученной дедуктивным путем, давать целостное представление об экономической системе, которое к тому же весьма жестко ограничивает упомянутую «зону неопределенности».

Разумеется, речь идет об отсутствии ***прямой*** связи, а не связи вообще между общей экономической теорией и практикой. Посредниками, обеспечивающими стыковку между «интеллектуальным макетом экономической системы» и реальной экономикой, оказывается целый комплекс экономических и неэкономических дисциплин. Среди них: классическая макроэкономика, экономика развития, новая институциональная экономика, новая политическая экономия («политическая экономика»), эволюционная экономика, физическая экономика и др., а также эконометрика, психология и социология. Все эти дисциплины лишь в некоторой степени корреспондируются с общими положениями чистой (общей) экономической теории; при этом каждая из них опирается на собственную методологию, «заземленную» на исследование тех или иных сторон экономической действительности. Они, таким образом, составляют неоднородный (гетерогенный) набор инструментов экономического и — более широко — социального анализа. Применение этого инструментария позволяет проводить междисциплинарные исследования и на этой основе более или менее эффективно решать многочисленные конкретные вопросы, которые ставит перед обществом жизнь. Такие решения обречены на то, чтобы быть «приблизительными», в некотором смысле — сиюминутными, и при этом относиться к категории «вторых наилучших» (*second best*).

Но, быть может, этим «мостиком» и следует ограничиться, не забивая ни себе, ни другим голову рассуждениями о чистой теории, «горделиво парящей» над бренной жизнью? Надо сказать, что примерно к такому выводу сегодня приходят некоторые видные ученые и в России, и за рубежом. Проблема здесь, как мне кажется, состоит только в одном. Авторы таких предложений признают, что в инструментарий ориентированного на конкретные нужды анализа должны обязательно входить и отдельные конструкции из современной экономической теории. Но откуда возьмутся эти конструкции, если отказаться от самой теории?

При предлагаемом мною подходе причины сбоев экономической науки в прогнозировании развития реальной экономики следует искать в том, что ей пока не удается в полной мере справляться с неожиданностями, которые таит в себе упомянутая выше зона неопределенности. Но при этом можно надеяться, что прогресс в междисциплинарных исследованиях будет постепенно способствовать улучшению положения дел в этой области.

Из сказанного отнюдь не следует, что состояние самой общей теории не заслуживает внимания. Одним из проявлений кризиса в этой области является упоминавшийся в самом начале раскол теории на две науки — микро- и макроэкономику, опирающиеся на качественно различную аксиоматику (см. гл. 26). При этом стандартам чистой теории более или менее соответствует микроэкономическая наука, тогда как макроэкономика должна быть отнесена скорее к категории «реалистических наук» (см. гл. 1). Качествен-

ное различие между эти двумя разделами современной экономической теории наиболее ярко проявляется в трактовке социального оптимума. С точки зрения микроэкономики это идеальное состояние достигается тогда, когда экономика оказывается в состоянии общего равновесия. У макроэкономики «иной взгляд на вещи»: главная задача состоит в выходе экономики на уровень потенциального выпуска, а в динамическом аспекте — в обеспечении устойчивого экономического роста. По большому счету, микро- и макроэкономика находятся по разные стороны зоны неопределенности. Мне кажется, читатель имеет возможность убедиться в этом при чтении последних глав работы, в которых речь идет о роли макроэкономических конструкций в принятии практических решений.

Микроэкономика имеет большие достижения в анализе функциональных зависимостей, формирующихся в современном рыночном хозяйстве. В некоторых случаях она, пожалуй, даже выходит за рамки чистой науки. Это, с моей точки зрения, происходит тогда, когда предметом исследования с использованием самого современного математического инструментария становятся бесконечные особые случаи, возможные в условиях реального рынка. В то же время в микроэкономике практически не уделяется внимания проблеме становления форм организации экономической жизни и лежащих в их основе институтов. Причем речь идет не о дефиците исторических описаний процесса развития экономических форм, а об игнорировании проблемы логической преемственности и соподчиненности понятий, составляющих уже упоминавшийся интеллектуальный макет экономической системы. Без этого экономическая модель лишается глубины; она отражает свой предмет так, как если бы он не имел ни истории, ни будущего.

В свое время соображения такого рода и побудили автора предпринять попытку начать построение экономической теории на основе последовательного усложнения исходной, самой простой модели экономики. Первые результаты этой работы были представлены в монографии, опубликованной в 2006 г.[1] В ней я попытался пройти путь от «робинзонады» до простой модели рыночной экономики, в рамках которой товаропроизводителем является отдельный человек. В настоящем труде этот этап охватывают первые 11 глав. Последующие главы посвящены характеристике современной рыночной экономики, в которой ключевой фигурой являются фирмы — экономические агенты, опирающиеся на крупное производство, связанное с применением наемного труда.

Как показывает анализ, импульсы к постоянному развитию хозяйственной системы имеют два основных источника. Первый связан с постоянным стремлением людей к повышению уровня благосостояния. Именно это стремление лежит в основе научно-технологического прогресса и неуклонного повышения отдачи человеческой деятельности. Оно же дает толчок совершенствованию форм экономических отношений, результатом которого становится повышение эффективности функционирования рыноч-

[1] См. *Некипелов А.* Становление и функционирование экономических институтов. От «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М. : Экономистъ, 2006.

ной экономики благодаря уменьшению трансакционных издержек. Второй источник развития связан с изменяющимися нормативными представлениями членов общества. Эти подвижки в ценностном восприятии мира сами по себе свидетельствуют об отсутствии однозначного решения у проблемы социального выбора, подвижности понятия общественного оптимума. Они трансформируются в стремление социума вносить коррективы в действующие «правила игры», по-новому высвечивают экономическую роль государства. Из внешнего фактора, корректирующего (или даже деформирующего?) ход хозяйственных процессов, оно превращается в их очень важного участника, стремящегося к достижению постоянно ускользающего социального оптимума (см. гл. 28).

Таковы те идейные соображения, которыми автор руководствовался при работе над этой книгой. Оставался вопрос: должен ли этот замысел быть реализован в форме научной монографии или учебника? Не скрою, несколько лет я шел по первому пути и лишь затем переключился на написание учебника. Важную роль при этом сыграло следующее обстоятельство. С момента создания Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова в 2004 г. я начал читать для студентов курс «Введение в общую экономическую теорию», основанный на изложенной выше идеологии. По мере продвижения моих исследований курс этот постепенно расширялся. Достаточно сказать, что если вначале он был рассчитан на один семестр, то сейчас — на полный год обучения. В первые годы его слушателями являлись магистры (тогда бакалавриата в Школе вообще не было), а в дальнейшем он стал читаться для первого курса бакалавриата. Идея состояла в том, чтобы дать студентам целостное представление об экономической системе до того, как они начнут изучать основные экономические дисциплины — прежде всего, микро- и макроэкономику. В целом, как мне кажется, этот подход вполне себя оправдал, однако его реализация оказалась сопряжена с серьезной трудностью для студентов. В изучении предмета им приходилось опираться главным образом на лекции, подготовленные к ним презентации, а также дополнительную литературу, посвященную отдельным вопросам экономической теории. Потребность в подготовке учебника становилась поэтому все более очевидной.

Кроме того, приходилось принимать во внимание еще и следующее обстоятельство. Поставленная исследовательская задача требовала не столько отказа от того, что было сделано представителями многих поколений ученых-экономистов, сколько переформатирования большого объема накопленных знаний в соответствии с новой парадигмой. Иными словами, во многих случаях проблема заключалась не в получении принципиально нового знания, а в нахождении способа интеграции сделанного предшественниками в новую ткань изложения. Получение целостного представления об объекте, в свою очередь, требует последовательного изложения всего материала независимо от степени его оригинальности[1]. Форма учебника в этом от-

[1] Именно поэтому в монографии 2006 г. я писал: «Хотел бы в заключении [речь идет о заключительной части введения. — *А. Н.*] дать лишь одно пояснение. Автор ни в коем случае не стремился написать эту книгу, что называется, «с чистого листа». Напротив, старался, насколько это воз-

ношении обладает большим преимуществом. Как сказали бы англичане — идеальная «защита от дурака» (foolproof).

Итак, учебник. Но какой?

Для того чтобы он был понятен первокурсникам, основной текст каждой главы в минимальной степени использует математический аппарат. В сущности, в этой части его применение сведено главным образом к графическому представлению рассматриваемых моделей и, в ограниченном числе случаев, — к формулированию условий этих моделей или вытекающих из них выводов. В наиболее важных местах используются условные примеры. Они позволяют на конкретных цифрах прочувствовать основные идеи, содержащиеся в экономических конструкциях, сформулированных ранее на вербальном уровне. Главное, чтобы на начальном этапе обучения студент сумел глубоко вникнуть как в существо стоящих перед экономической теорией проблем, так и в общие подходы к их решению. Только тогда у него может постепенно сформироваться подлинно экономическое мышление. Решению этой же задачи призваны содействовать и помещенные вслед за основным текстом каждой главы контрольные вопросы и задания.

Но мне показалось также важным сопроводить тексты многих глав математическими приложениями. Во-первых, их можно рассматривать как «платье на вырост». Во-вторых, всегда находятся любознательные студенты, которым интересно, какими методами можно формализовать те логические построения, которые содержатся в основном тексте глав, а также увидеть строгое подтверждение сделанных там выводов. Математические приложения помогают получить первые сведения на этот счет из самого учебника. Наконец, в-третьих, существование этих приложений, на мой взгляд, помогает студентам с самого начала прочувствовать, сколь важен для современной экономической теории математический аппарат. А это — не последнее дело с точки зрения ориентации их на серьезное отношение к изучению математических дисциплин.

В заключение мне приятно отметить тех, благодаря кому этот многолетний труд все же завершился. Испытываю чувство глубокой признательности к профессору МШЭ МГУ, члену-корреспонденту РАН М. Ю. Головнину, который стоял у истоков внедрения курса «Введение в общую экономическую теорию» в учебную программу Школы, сам проводил семинары и в случае необходимости заменял меня в качестве лектора. Благодарен сотрудникам и аспирантам И. Э. Богатовой, О. С. Кочетовской, К. В. Кузнецовой, Д. С. Кукушкину, М. В. Мироненковой и Г. Р. Оганесян, которые в разные годы вели, а большинство из них продолжают вести и сейчас семинарские занятия по курсу. Очень полезной для меня оказалась помощь доцента, канд. физ.-мат.

можно, максимально использовать все богатство экономической мысли, включая находящийся в ее распоряжении математический инструментарий. Поэтому не следует удивляться тому, что не раз и не два вы столкнетесь в этой книге с хорошо известными идеями или математическими моделями, лишь слегка адаптированными к новому способу подачи материала. Мне кажется, что такого рода «повторы» не только неизбежны, но и полезны, поскольку позволяют дать целостное представление об экономической теории, построенной на основе существенно обновленной парадигмы» (*Некипелов А.* Указ. соч. С. 15).

наук А. Н. Курбацкого в решении одной из математических проблем, с которой я столкнулся при подготовке гл. 22.

Все это время я ощущал неизменную поддержку со стороны всего коллектива Школы. Особо хотел бы отметить в связи с этим роль первого заместителя директора С. В. Шакина, который не только проявлял постоянное внимание к ходу работы над книгой, но и старался максимально освободить меня от многих административных нагрузок.

Моя особая благодарность за понимание и помощь — жене, Е. Ф. Некипеловой. Даже не знаю, смогу ли я когда-нибудь расплатиться за многие субботы и воскресенья, которых лишил ее в период работы над книгой.

Наконец, искренне признателен за «режим наибольшего благоприятствования», давно уже предоставленный мне издательством «Магистр» и, прежде всего, — его замечательным руководителем И. К. Безумновой.

Москва, январь 2017 г.